

НИКОЛАЙ ПОКИДЫШЕВ

Отголоски

СТИХИ

г. Курган

2002 г.

Покидышев Н.А.

Сборник составлен из числа стихотворений, отобранных самим Н.А. Покидышевым.

© Николай Покидышев.

НИКОЛАЙ ПОКИДЫШЕВ

*Всем моим друзьям,
всем, кого любил и люблю,
посвящается.*

Автор

ОТГОЛОСКИ

СТИХИ

Слово о поэте.

Николай Покидышев – человек зрелый и по возрасту, и по творческому опыту. И не его вина, что первая книга стихов выходит только сейчас. Виной тому «перестроечная» смута и неразбериха в издательских делах. Однако, поэт творил, совершенствовался, не оглядываясь на издательскую перспективу.

Н. Покидышев – поэт многогранный. За многие годы творчества он никогда не останавливался на чём-то одном – в плане тематическом и в плане формы стиха. Он всегда был и остаётся поэтом - экспериментатором. С годами меняется его отношение к судьбе Родины-России; меняется его философское отношение к религии и Богу. Затем эти перемены явно отражаются даже в чисто интимных стихах – о Любви. Её он воспринимает и воспеваает как нечто посланное свыше.

Зачастую стилистика стиха Н. Покидышева кажется несколько усложнённой. Но поэт и не рассчитывает на читателя с уровнем восприятия: "Травка зеленеет, солнышко блестит...". Думается, что он впитал опыт и Маяковского, и Цветаевой, и Пастернака, и Есенина. И в то же время остаётся самим собой, постоянно ищущим новые формы и способы поэтического выражения чувств и мыслей. О серьёзности занятия поэзией говорит тот факт, что Н. Покидышев обратился и к самому сложному и трудному виду поэтического творчества: он написал веночек сонетов, и, на мой взгляд, это у него получилось здорово.

Иван Яган
Секретарь Правления
Союза писателей России

Россия! Родина!

** ** **

Из бездны межвселенского пространства,
От звёзд, погибших в страшных безднах лет,
Сквозь адский холод, ад протуберанцев,
я мчусь к Земле, которой ещё нет.

Мне кажется давным–давно знакомым
Сиянье мимо проносящихся светил,
Как свет в окне покинутого дома,
В котором я когда-то долго жил.

Меня пронзают встречные кометы
И в сердце бьют метеоритные дожди;
Я мчусь к Земле, которой ещё нету,
Но у которой всё – так впереди.

Я болен всем, что на Земле свершится,
Уже свершилось и вершит свой сказ:
Я памятью разбросан по крупицам
В дороге из прошедшего в сейчас!

** ** **

Мы все задолго до рождения живём!
Я знаю, помню, как победой гордые,
Мы шли с Непрядвы и степями, и жнивьем
Земли родимой, разорённой ордами.

А если помню – смерть перешагну.
Шагну не раз, но всё – таки успею
С праправнуком в прародин глубину
Умчаться дальше звёзд Кассиопеи.

Но и оттуда я ещё вернусь,
Склонюсь перед бессмертьем обелисков
Всех поколений, что хранили Русь,
И перед ней – в поклоне самом низком!

** ** **

Россия! Родина! Ведь мне ещё вчера
С полей твоих был ветер просто ветер
и пылью пыль была, ветлой – ветла,
берёзы ветви были просто ветви.

Так почему ж сегодня не могу
глаз отвести от звёзд твоих падучих,
от брошенной копёшки на лугу,
от тёмных туч, над головой ползущих?

От покосившихся распахнутых ворот,
оставшихся одних от всей деревни,
и тропки средь крапивы, что ведёт
на кладбище с часовенкою древней.

От скорбных ликов стариков, старух,
кто се простит? – давно забытых нами,
от неизящности натруженных их рук,
от рек, текущих вровень с берегами...

Оболганная, нищая, скажи:
чем душу так к себе приворожила?
Засохшею горбушкою из ржи?
Похмельем горьким средь руин остылых?

Стою у безымянного болотца:
никчемный сын, отец, нелучший друг.
Птах голосистый вольно в небе вьётся.
Жду. Жду ответа, напрягая слух.
И мне не страшно, если сердце вдруг,
тобою переполненно, взорвётся.

** ** **

Россия! Родина! Полвека Ты моя –
от вешних вод и до небесной выси
по крови, по рожденью – Мать-земля,
та, без которой я себя не мыслю.

Россия! Родина! Полвека я Твой сын
Твоих былин и песен, что мне пела.
Как много выпало Тебе лихих годин!
Как мало для Тебя я в жизни сделал!

Россия! Родина! Всю боль всех бед Твоих
я принял в сердце грузом неподъёмным.
И где б ни встретил свой последний миг –
Тебя и после смерти буду помнить!

Россия! Родина! Религия моя!
В печалях, в радости – одна моя святыня!
Пока жива Ты – буду жив и я,
Никто нас друг у друга не отнимет.

И среди смут, разрухи, распри, стыдных войн
И нового ордынского засилья,
В долгах неискупимых пред Тобой,
Я низко кланяюсь Тебе, моя Россия!

Посвящения

** ** **

Июнь. Начало лета. Ливень. Град.
Мальчишки в лужах скачут с переплясом.
Относит ветер тучи на закат
И гром рокочет приглушённым басом.

Из водосточных труб сплошной поток
Отмыл асфальт до мраморного блеска.
Оставив подоконник и цветок,
Сбегаёт кошка на сухое место.

В окне раскрытом вечер, дождь, пейзаж,
Знакомый до царапин на скамейке.
По лужам град выстукивает марш
Как заяц из рекламы батарейки.

Июнь. Начало лета. День шестой.
И ещё долго жить до Чёрной речки.
В двухсотый раз приходит день такой,
Где всё срослось с наречием "Навечно".

Июнь. Начало лета. День шестой.
Имён прекрасных слитное звучанье.
Ещё не сделан выстрел роковой.
Ещё так долго, долго до прощанья.

19 октября в городском саду.

Октябрь.

Пасмурно.

Дождливо.

Листопад.

Сквозняк ознобный.

В призрачных аллеях

стыдливо прячет свой потрёпанный наряд
ненастный вечер.

Ветер резче, злее

швыряет пригоршни шуршащие в пространство,
как будто ненавидя постоянство
прихода

каждого из заданных времён.

Октябрь. Осень.

Из небесных странствий

всего опасней памяти полёт
вслед обаянью дорогих имён.

Октябрь.

Листва к подошвам льнёт,

как льнёт душа

к Голгофе и Мытарствам.

Октябрь и дождь.

Дождь с ночи до утра,

с утра до вечера

то косо, то – отвесно.

И тени прошлого –

бесценный сонм утрат! –

скользят за пеленою бестелесно.

...Крылатки, клятвы,

шпаги наголо.

Декабрь. Нева.

Промёрзшие куртины.

«Отечество нам –

Царское село»

Опять – Октябрь.

И целый мир – чужбина,

когда по черноте чугунных плит,

сливаясь,
 капли протекают осторожно
на Лики тех, кто здесь навечно спит –
Певцов Свободы
 в кандалах осторожных.
Всё – в запустении,
 всё – наспех, абы как.
В столицах снова правит новый Гришка.
И даже днём почти не тает мрак,
как будто проклял нас вовек Всевышний.
Но те же мы.
 И чистый отсвет твой,
Век Чудный,
 виден и поныне ясно.
И листопад
 Как прежде – золотой.
И всё, что было –
 было не напрасно.

** ** **

**"Есть меж кеосцев обычай прекрасный, Фания:
плохо не должен жить тот, кто не живёт хорошо!"**

Менандр

Есть на Нее обычай прекрасный, Фания:
плохо не должен жить тот, кто не живёт хорошо.
Последней надежды скомканный фантик
нечаянным ветром вдруг унесло.

Что ж ещё?

В остывающем мире опустевших, о Фани, ладоней
чаще флейта и пепел в лицо погребальных костров,
И за прошлым бросаясь ночами в погоню,
я к утру нахожу только рябь недописанных строк,

И зовут небеса голосами, о Фани, любимых,
и когорты друзей восстают на чужих рубежах.
И ни танцы гетер, ни вино медногорлых кувшинов
не сотрут горьких складок на сжатых губах.

Недостойно седин семенить за эпохой не в ногу
и фальшивить, щипая кифары струну.

И предсмертный бокал поднимая, пред ядом

не дрогнут

ни рука, ни душа

на пути в заповедного Стикса страну.

Поздно, Фания, поздно меняться в привычках
и истёртые драхмы в поношенной тоге хранить.

Пью бокал за священный кеосский обычай,
за прекрасное право уйти,

только плохо, о Фани, не жить!

НА СМЕРТЬ ПОЭТА

Мой друг... Друг мой!
Здесь – просто тишина.
Лишь тишина и память. Память слышу.
Неясная то мгла, то пелена
перед глазами.

Грудь не дышит.

Волнение не проникает в кровь.
А может просто ранит не до крови.
И память - то забудет, то соврёт:
то в мелочах, то в главном.

Я - не воин.

Я только тень того, кто не успел.
В груди клинок порос чужой травой.
И сжаты губы белые как мел.
Я ими пел.

Но здесь - здесь всё чужое.

Здесь только память - груда тишины,
неясные, но близкие картины.
Здесь даже лица ваши не видны.
А там, где было сердце - что-то стынет.

И лживые желанья-компаса
уже не правят парус к катастрофам.
И лишь глаза - ты знаешь чьи глаза-
ещё живут в полузабытых строфах.

Друг мой... Прости. Так долго о себе.
И что за страсть - перебирать обломки,
когда придёшь к последнему Судье
с давно пустою нищенской котомкой.

Юлии Владимировне Друниной

В июньской тополиной тишине,
когда метут пуховые метели,
всё так напоминает о войне:
звезда, ракетой горящая в окне,
рассвет, пока приметный еле – еле
над крышами.

и вдруг - моторный рёв
обрушится на тишины останки...
Рыча захлэб «Nach Ost! Nach Ost!»,
Вперёд рванут по сердцу гусеницы танков.

И будет память бить прямой наводкой,
Слать за снарядом – точно в цель – снаряд:
я вздыблюсь на Десне десантной лодкой,
качнусь осиротелою пилоткой
и отсеку себе пути назад.

За годом год теку рекой кровавой –
Десной и Днепром, Бугом и Невой;
и жизнь моя – всего лишь переправа
из прошлых войн в наш здешний непокой...

** ** **

Так захотелось вдруг увидеть,
обнять, прощенья попросить
 у всех, кого посмел обидеть,
 у всех, кого посмел забыть.

У всех, кому пророчил беды,
и, хлопнув дверью, уходил...
 И в дерзости своей не ведал:
 я вас уже тогда любил.

От каждого в себе крупицу
я нёс, обидчивый слепец,
 и торопился откреститься
 от собственной судьбы вконец.

Хранила память ваши лица
тайком, пока я прочь спешил...
 Вот отчего былое снится:
 я вас уже тогда любил!

"Иных уж нет..." И всё тревожней
ночь каждая и каждый час.
 Стою с последней подорожной
 и всё труднее мне без вас...

Гефсиманский

сад

** ** **

Мне снился Гефсиманский сад
На Пасху в ночь и чьи-то тени,
Кедрон журчал под треск цикад,
Христос у места трёх молений.

И спросил меня Господь:
«Как, сын людской, живёшь на свете?
Ты за других и кровь, и плоть
Отдашь, коль призову за этим?»

От той суровой прямоты
Затрепетал в ознобе я:
«Отдам. Но возмолю как Ты:
«Минует чаша мя сия!»

«Готов ли муки ты принять?
От лютой смерти не сбежишь?»
«Молиться буду вдругорядь,
Но будет так, как Ты решишь.»

«Но что ты, смертный, возопишь
Коль отниму всё в гневе я?
Что ж побледнел вдруг и молчишь?»
«Минует чаша мя сия!

Давно на сердце и в душе
Ношу Твои стигматы я.

А покарать решил уже –
Минует чаша мя сия!

Спаси, Господь, и сохрани
Всех дорогих в остатни дни!»
Рассвет с востока воспылал.
Христос ответил: «Ты сказал»

Мне снится Гефсиманский сад
Который день, который год.
Простите мне, в чём виноват,
Когда Господь вдруг призовет.

Молитва

Прости, Господь, за все мои грехи,
За то, что и прощенья не достоин,
Что к боли ближних часто был глухим,
В обидах, заблужденьях – непреклонен.

За каждый день, что прожит был не так,
За все мои долги перед Отчиной,
Что Жизнь когда-то принял за пустяк,
Пустяк не раз почёл достойным Жизни.

Прости пред всеми, в ком я – чёрный след,
Кого сплеча, огульно виноватил,
Прости за всё, за что прощенья нет,
Что в Счастья дни я не готов к расплате.

Что до сих пор храню Любви Венец,
Тобою мне подаренный однажды,
И нищий, без угла, седой слепец,
За Свет Его готов погибнуть дважды.

Что, вин своих стыдясь, во сне кричу,
Молитвами Твой слух отягощаю.
За всё, чего себе я не прощу!
Но как мне жить потом с Твоим «Прощаю»?..

Молитва

Храни тебя Господь, любовь моя!,
Когда меня с тобой уже не станет.
Минует пусть беда средь бела дня
И тёмных страхов да минуют стаи.

И строк моих да будет звук с тобой,
Когда в ответ со всех сторон – ни звука.
И высь небес пусть будет голубой,
И горя плач да не коснётся слуха.

Да будет путь твой лёгок, ангел мой!,
Когда помочь тебе не в силах буду.
Да сохранит душа твоя покой,
Когда предаст очередной Иуда.

Да будет так! А мне – моя стезя,
Моя любовь, мой свет, моя Голгофа.
Но больно думать: как ты без меня
В тот день, когда тебе вдруг станет плохо...

*Первому монаху послеоктябрьского периода
Успенского Далматовского мужского монастыря
отцу Василию (Владимиру Ожерельеву)
посвящается*

ПОСТРИГ

...Двенадцать метров от порога к алтарю -
от светлой жизни к тёмной тесной келье.

"Ползи, монах," - себе я говорю,
и ниц лежу крестом в исподнем белом.

Два ворона, два чёрные крыла,
два чернеца с боков - два иеромонаха
сурово шепчут: "Ну, ползи! Пора!"
И я пополз. И красный цвет ковра
казался кровью, пролитой на плаху.

...Вперёд полметра. Снова ниц крестом.
И на полметра от всего отрёкся.
И вздрогнул тот, кто был моим отцом:
теперь мне - Бог отец, и Бог - мне Солнце.

...Ещё полметра. В церкви - плач и вой,
и чьи-то слёзы жгут мою рубаху.
Сурово плачет надо мной конвой.
Господь, прости! Я не могу не плакать.

"Ползи, монах!" По стенам - образа.
И я ползу, хотя прополз так мало.
А за порогом есть Её глаза:
стоит, платочком рот себе зажала.

Прости мне, Господи! Я так хочу сбежать
и целовать Её глаза родные,
слезинку каждую Её расцеловать...
Дай силы, Господи! Ведь Ты Её отнимешь!

Смотри! Смотри: живым от сердца рву,
ночами буду ваши лики путать!
Огнём и болью заливает грудь.
Дай смерти, Господи! Мне без Неё так трудно.

... "Ползи, монах!" И я опять ползу:
от этих рук и губ, что звали милым,
от голоса Её, чей каждый звук
всего дороже будет до могилы!

Прости, Спаситель. Я ещё так слаб
взять на себя людей чужие язвы:
от скольких мук она меня спасла!
А я Её от них не спас ни разу.

Дай, Господи, в конце пути костёр!
Я не хочу покойной тихой смерти.
О жечь ковра не руки - сердце стёр,
насаженное на раскалённый вертел.

Лишь горе приносящий для других,
я уйду сегодня в жизнь другую.
И не обидев ран и слёз Твоих,
у ног Её священный прах целую.

Тебе всё без утайки расскажу
за наши три в пустынной церкви ночи.
Ты видишь: как в ознобе я дрожу -
душа повсюду лишь за Нею хочет.

... "Ползи, монах!" Я близко к алтарю.
И принимая парамант и схиму,
уже чернец, как заклинанье повторю:
дай счастья без меня моей Любимой!

2

Холодно.
Очень холодно.
Стынут льдинки в краях ресниц.
В Храме пусто.
Наверно от голода
слышатся
голоса райских птиц.
Третью ночь один
в покаянии:
келья, Храм,
молитвы и пост.
Нет. Я сам.
За грехи окаянные.
К распятью висок примёрз.
Третий год как чернец.
Но к святости
ни на шаг не подвигся.
Истлел
параман от бессменной давности.
"Аз язвы... ношу" ...
Сколько тел,
сим обетом по гроб опоясанных,
ищут путь ко спасенью Души.
Спрятав сердце под грубою рясою,
ищут Свет в беспросветной глуши.
Темень, сон
и сомненье для разума.
Рот от ужаса мыслей зажав,

в кровь кусаю ладонь свою.
Грязные
тени жуткие скачут впотьмах.

Не впервой.
Свои ночи бесщётные
помню.
Помню одну за одной.
И сиянье рассвета,
и чёрные
дни бессильной борьбы с Сатаной.
Всё извело тело брешнее.
Только разум так мало постиг.
Скачут жуткие тени неверные,
шепчут мерзкие:

"Бог простит."

Бог простит.
От себя - не спрячешься.
Тяжек крест непростённых вин.
Не отмолишься,
не отплачешься.
Смерть - одна.
Но и ты - один.
Дверь скрипит:
возвращаются братия.

От свечи
тускло-жёлтый клин
заметался у ног Распятия.
Бог - один.
Но и Ты - один.

МОЛИТВА

(из цикла “Октябрь”)

Господи! Спаси и сохрани
От корысти, зависти и сглаза,
Душу от безверия заразы,
Господи! Спаси и сохрани!

Господи! Спаси и сохрани
От убийства, ненависти, злобы,
Дом, родных от горя и хворобы,
Господи! Спаси и сохрани!

Господи! Спаси и сохрани
За грехи, за счастье, за надежды,
За Любви слепящую безбрежность,
Господи! Спаси и сохрани!

Господи! Спаси и сохрани
От путей лукавого искусства,
Эту землю, что зовём мы Русью,
Господи! Спаси и сохрани!

Господи! Спаси и сохрани
Солнце, звёзды и мою планету,
Млечный Путь вдоль неба до рассвета,
Господи! Спаси и сохрани!

Господи! Спаси и сохрани,
Даже если мы с Тобой несхожи,
Даже если недостойны - всё же,
Нас, себя спаси и сохрани!

**Души
благословенные
ОКОВЫ**

К СУДЬБЕ

О, дай в последний раз мне обмануться,
вдохнуть, сорваться, в выси улететь,
где - как хрусталь – сердца на счастье бьются
и тех волос ещё рыжеет медь!

Дай досыта мне той воды напиться
звонящих капель первого дождя;
в Её глазах навеки отразиться,
в один и тот же день всегда входя!

О, дай не потерять, не затеряться:
вдыхая запах отгоревших свеч,
в последний миг в весенний день ворваться -
Ей на руки пылью акаций лечь!

Порви давно запутанные нити,
и бег секундных стрелок - удержи!
Остановись, прошу, и дай мне выйти
в те майские прощальные дожди!

** ** **

Всего и дел-то: друг в командировке
в том городе далёком и родном,
где в марте на трамвайной остановке
я целовал Её, забывши обо всём.

Всего и дел, что называла милым,
а я от счастья плёл какой-то вздор.
Всего и дел: нежданно разлюбила,
а снится почему-то до сих пор.

Всего и дел: кольцо своё дарила,
а через месяц встретился другой.
Ведь, Господи, - когда всё это было?!..
А как проснёшься - жизни никакой!

ДВА СОНЕТА

1

Ты, чужая звезда на моём небосклоне,
От которой никак ни умчусь, ни сбегу,
Может ты поняла То, чего я не понял?
Жизнь прожил, а забыть всё никак не могу

Голос, волосы, взгляд, твои пальцы в ладонях...
Мне всё **это** - зачем?

Я к себе, как к врагу,
Каждый день, каждый час – с осторожкой, с опаской:
Где та память подставит вдруг ножку опять?
Скольких я оттолкнул и обидел напрасно
За несхожесть с тобой!

Что не смог я понять?

Гончий пёс, что на прошлое только натаскан,
За судьбою – вперёд! и со взглядом во вспять,
Чьё закрыто лицо, а душа – нараспашку,
Где, когда и чего не сумел я понять?

Я Вас любил...

 Давным-давно был ГОРОД,
Был МАРТ-АПРЕЛЬ и были ВЫ и я
...Мне до сих пор нет воздуха для горла
И также из-под ног летит земля

НА УЛИЦАХ ЛЮБВИ всё те же корни:
Май и тоска, по пустоте звеня...
Я Вас любил.

 ЗАЧЕМ я это помню?
Во мне давно Вас больше, чем меня.

На слух я собирал слова для песен
О Вас. Для Вас. Вздыхалась звуков рать.
Какой пустяк, что мы давно не вместе.
Жаль, жизнь прошла, а не сумел сказать
КЕМ для меня ВЫ БЫЛИ, ЕСТЬ!

 ВСЕМ. Если б
Не Вы – ни жить не смог бы, ни дышать!..

** ** **

Я Вам пишу. А ты мне – никогда.
Почтовый ящик пуст и днём, и ночью.

Я Вас любил. Смешная ерунда.
Вот жизнь прошла. А от тебя – ни строчки.

Я Вам пишу, бессменный часовой
Тех Дней Весны Бесценной, Несравненной.

Я Вас любил. Сюжет такой смешной,
Что стынет в жилах кровь и даже в венах.

Я Вам пишу. А ты молчишь, молчишь.
У ожиданья истекли все сроки.

Я Вас любил. И, может, ты простишь
За письма все, ну, и за эти строки.

** ** **

Я Вас любил всем сердцем неразумным.
Быть может это глупо и смешно.
Я праздновал все даты и кануны
Любви, которая была давным-давно.

Я Вас любил. Прости, что повторяюсь
И не придумал ничего новей,
Хоть жизнь пришла уже к другому краю.
Но **что** мне делать с памятью моей.

Мне вопреки такой же неделимой,
Что даже **после** всюду будешь ты?
Тебе не страшно быть Всю Жизнь Любимой
В Стране Разлук, **дарившая мечты?**

Где только мы и только наша встреча,
Где каждый миг – и боль, и благодать.
Я Вас любил. Прости, мой друг сердечный,
Что Всей Любви так и не смог сказать!

А ты опять сегодня снилась мне,
Гость Незабвенный забытья ночного!
И я опять терял тебя во сне:
в глухой и равнодушной тишине
ты уходила, не сказав ни слова.

И та же боль как в восемнадцать лет:
до белой мглы в глазах, до онеменья.
И слов "Всё кончено" пронзительный дуэт.
И слёз к вискам невольно – горький след.
И тот же ужас перед пробуждением.

Исчезнут звуки, запах той весны.
Погаснет солнце золотистое апреля.
И между штор рассвет в лучах косых
ждёшь словно смертник выстрел в час расстрела,
не веря, что ушла. Не веря.

И снова будут день до звона пуст
и ночь ворочаться бессонно в чёрных окнах.
Зайдется сердце, что ни охнуть, ни вздохнуть.
И будет память так безжалостно жестоко
искать повсюду медно - рыжий локон.

Терять и ждать. Терять. И снова ждать.
В обрывках сна надежд приманку прятать
из года в год.

И вот ушла опять.

В который раз ушла - не сосчитать.

Но никогда, ни одного - обратно.

Любовь моя!

Пожизненный мой плен!

Души благословенные оковы!

Мой странный плен,

где ни преград, ни стен.

Где ты опять уходишь насовсем,

за тридцать лет мне не сказав ни слова.

** ** **

В той стороне Земли, где ты живёшь,
Сейчас такой же тёплый поздний вечер.
Мерцанье звёзд или небесная их дрожь
Невольно навевают слово Вечность.

Звезда Любви! С небес моей Весны
Ты светишь ясно без мерцания и дрожи.
И коль уж сердцу суждено остыть,
То оттого твой свет ещё дороже.

Апрель к апрелю тридцать раз подряд,
Но те же пред тобой неловкость, робость...
У Вечности твои улыбка, взгляд
Останутся, когда уйдём мы оба.

И ВСЕХ К ТЕБЕ НЕВЫСКАЗАННЫХ СЛОВ
Не смогут поглотить ни тлен, ни Вечность!..
КОГДА МЫ ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ, была Любовь,
Прекрасная как тёплый поздний вечер.

** ** **

**«... В эту душу моей души»
М. Цветаева.**

Моя звезда, которой я не вижу!
Я не забыл родные небеса:
Все также нет тебя дороже, ближе,
Моя звезда, души моей душа.

Ах, как давно твой свет мне не доступен,
Прости, что путал этот свет с другим,
Похожим очень, но чужим, по сути,
Как смерть холодным и как смерть слепым.

Моя звезда! К чему считать потери!
Октябрь наш на золотых весах
Все взвесил, даже как в дали лелею
Твой свет незримый я в моих глазах.

** ** **

**“Чого очі не бачать, того серцю не жаль»
(украинская пословица)**

Вчерашний день! Сим-Сим, открой мне двери!
Одесса, море, март, пустынный пляж...
Я убегу в кафе с названьем «Берег»
на берег тот – единственный и наш.

Её следы найду на пыльных склонах
среди сухой полыни и травы,
где дождь в апреле – с грохотом до звона,
в Её глазах – зелёных с голубым...

Мои глаза – теперь от слёз слепые:
не бачать очі, чого серцю жаль!..
Да если б в море я тоску всю вылил –
по всем морям гулял девятый вал!

...Гремел оркестр. Под Аллу Пугачёву
певица пела: «Эй!.. Там, наверху!..»
Сим-Сим! Прошу: открой мне двери снова
в Её страну! Я больше не могу

на холм другой всходить (О, плач Орфея:
«Харон, Харон! Кого за Стикс увёз!..»)
Я прихожу на холм - но я НЕ ВЕРЮ
Слепым глазам и горькой влаге слёз.

Сквозь сон, сквозь явь – Она. Спешу за Нею.
Но понапрасну: ноги – как росли.
Сим-Сим! Открой в апрель вчерашний двери!
Прошу, Сим-Сим: дай мне Её спасти!..

** ** **

Вернись!

Навстречу сердце выстелю:

По опалённому нутру

Приди

как ты приходишь мысленно

В часы бессонные к утру

Давно минувших дней дорогою,

Своё молчание даря,

Как прежде гордая и строгая

В морозном солнце января.

И цветом рыже-апельсиновым

Твоих волос опять сожги

В рассвете огненно-малиновом

Ночь ожидания, где - ни зги,

Где - только брови соболиные,

Полуулыбки полужнак

Всю жизнь -

невыносимо-длинную

Не забываются никак!..

** ** **

Если скажут: «Забыл», то соврут.
Слушай правду в моих словах:
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах,

В ночь бессонную снова уйду,
Небо звёздное спрячу в глазах:
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах.

Даже если всю память сотру,
Затерявшую след свой в годах,
Я, наверное, так и умру
С твоим именем на губах.

Пепел мой хоть швырни на ветру,
Город наш примет даже мой прах.
Твёрдо знаю: я так и умру
С твоим именем на губах!

ЗА ТЕБЯ!

За завиток волос! За смех!
Мизинец левый Твой у рта!
За
 навсегда – Ты лучше всех!
За
 без Тебя – лишь пустота!

За тучи тёмное крыло!
За все морозы в декабрых!
За
 где-то – лишь Твоё окно!
За
 потерять Тебя мой страх!

За душный май, где «уходи»!
За все юни – о, вернись!
За писем утлые ладьи,
Что от меня к Тебе неслись!

За незакатный март – апрель!
За вечер – помнишь?: «Милый мой!»
За
 без Тебя – куда теперь?
За
 без Тебя – всегда со мной!

ИЗ РАЗГОВОРА В ПЕРЕРЫВЕ

*...С первого взгляда? Да ну вас! Как школьницы.
-А я что расскажу. Как-то на дежурстве был больной с
лёгкой травмочкой. Минут за пять всё сделала и забыла.
А через месяц – нате вам! -*

Кончаю дежурство. Вдруг - входит. «Стихи Вам» - говорит. Забавно, не правда ли? Тут мечешься - дети, семья... С таким мне ли загадки разгадывать?

А он - так всерьёз, ни кровинки в лице:
«Люблю!» Вот неожиданные хлопоты!
Рядом - больные. Каков удалец?
...Где-то всё дверью хлопали...

«С тех пор как увидел...» Ну что мне в ответ?
Слушать приятно. Ох, да не слушать бы!
«Я - только сказать...» В окне - странный свет
луны по стеклу - бледно-жёлтою лужицей.

Словно с моста головою вниз
лечу за ним из больничной комнаты.
Крыльев каких-то слышится свист.
...Ушёл. На столе - стихов белый лист.
Чудится: дверь по-особому хлопнула.

Чудится: кто-то белый, большой,
вздыхнул и исчез в окне распахнутом.
А где, улетаю, коснулся рукой –
капли луны с подоконника капали.

Во сне собираю в ладони тот свет
и вижу в окне в бессонницах...
Такие дела! Хоть верьте - хоть нет!
А вы говорите - школьница...

** ** **

Два дня без Вас. Хандра и скука.
Ждать понедельник. И зачем?
Лишь в мыслях целовать вам руку,
Как ключ, себя сдавая в плен.

Во сне пустынными губами
Уста желанные искать;
Куда-то всё спешить за Вами,
Но и во сне Вас не догнать...

Два дня без Вас. Хандра и скука.
Ждать понедельник. И зачем?
Едва с мороза – к Вам, без стука –
Присесть в углу, некстати нем.

Заговорить совсем некстати,
Совсем не те слова ронять.
Коснувшись взглядом складок платья,
Замолкнуть надолго опять.

Искать любой случайной встречи
Среди чужих людей, речей.
И что ж потом? Ничуть не легче.
Ждать понедельник... Но зачем?

** ** **

А там, где ты, как прежде фонари
вдоль улиц маршируют одноного;
какой-то сукин кот (что говорить!)
успел, подлец, перебежать дорогу.

На проводах качается луна,
вон звёзды – как серебряные крошки;
в общаге, ноги свесив из окна,
весёлый ухарь шпарит на гармошке.

Собака дирижирует хвостом,
скосив глаза умильно на солиста;
алкаш приبلудный, перепутав дом,
заголосил на пару с гармонистом.

«Где сад, - спрошу, - фонтан и соловьи?»
и было бы по крайней мере странно
в такой среде, негодной для любви,
вдруг стать героем твоего романа!

** ** **

Я оглох от твоих молчаний;
в несвиданиях наших ослеп.
Лето кончилось. Дождь барабанит.
Что-то спрашивает у всех.

Лето кончилось. Что с нами будет?
Вдруг - обиды. Откуда? К кому?
Дождь заладил: « Не любит! Не любит»
Бед каких-то неясных канун.

Август плачет в свой день последний.
Ты куда-то опять – уезжать.
Ни на том, ни на этом свете
друг от друга нам не сбежать!

Ты поймёшь это, душу изранив:
ведь у памяти горький хлеб...
Я оглох от твоих молчаний.
В несвиданиях наших – ослеп.

** ** **

Все кончено.

В окне сквозняк свистит.
А где-то ты – комочком на диване
В той комнате – арене прошлых битв.
И память – и болит, и не болит,
Как будто бы боясь себя поранить.

Но ещё слышат уши голос твой
Как эха тихий стон над полем бранным,
Глазам ты зрима – там, за темнотой,
И по пятам мой призрак за тобой
Уж без надежд – но бродит.

Правда, странно?

Любви причуды: на глазах глупеть,
Желанья возвышая в абсолюты,
Уверенно свои обманы петь,
В отчаяньи тонуть, услышав "Нет",
Шипы обид лелеять поминутно,

Скатиться в ненависть – и звать: "Вернись!",
Неметь от нежности – и слать проклятья,
Одно лицо искать среди всех лиц,
С жестокой изощрённостью убийц
Мечтать о мести и твоей расплате,

От ужаса перед собою неметь,
Затосковать угрюмо, до бесчувства,
То вдруг нахлынет нестерпимый стыд
За письма-клятвы, телеграмм листы;
Какой уж тут – откуда? – здравый смысл!
Любви причуды.

А без них – так пусто...

** ** **

Уже не хочется ни слов,
Ни клятв, ни длинных частых писем,
А память – что лоскутьям – лоск? –
Как киноплёнку – взять и выстричь.

Взять "до" и "после", склеить встык,
И – в улицы – беспечно весел,
И прочь от мыслей "только ты"
И от наречия "невместе".

Кому-то руки целовать
И глаз углы ласкать губами,
Всё-всё забыть, совсем не знать,
Что были МЫ, ЧТО было с нами.

Лишь по ночам стихов листы
Брать непослушными руками...
От аксиом таких простых
В глазах – кровавыми кругами...

** ** **

Попытки строить на песке...

Для нас я строил.

Ты - ломала.

Так было с самого начала.

Для рифмы можно - о тоске,

О каждом дне - на волоске:

Всё будет правдой.

Ни причала,

Ни светлого луча.

Декабрь.

Что склеивать июль-осколки?

Декабрь. Мороз.

Угар и гарь.

И к прошлому взывать - что толку?

Вся память - суммой оскорблений.

Но отчего же вдруг опять

Так хочется,

став на колени,

Твои колени целовать?..

** ** **

Пасмурно. Хмуро. Октябрь.
Утро и день - как вечер.
Листья. Костры. Их гарь.
Первого снега млечность.

Воздух холодный свеж.
Листьев и гари горечь.
Горечь и гарь надежд.
Взять да забыть тебя, что ли?

Утром, вставая, петь.
Днём - о работе думать.
Вечером листьев медь
Шагом тревожить шумным.

Видеть мерцанье звёзд –
Стылого неба заложниц.
Только что толку от грёз,
Коль без тебя – невозможно ...

** ** **

Среди пожарищ что ты ждёшь, волнуясь?
Ах, погорелец мой – моя душа!
Что будишь по ночам, едва усну я,
У изголовья мыслями шурша?

Сама сжигала. Что ж теперь хлопочешь,
Когда зола ещё так горяча?
Вновь голосом архангела пророчишь,
Да только из-за левого плеча!

От пепла дорого сухо в горле,
От дыма горького глаза ещё красны.
Зачем же за собой зовёшь упорно
На светлый праздник не моей весны?

Твоим советам шалым знаю цену!
Ну, что ещё там прячешь под полой?
Финал, где заключительная сцена
Оплачена моею головой?

Кого же удивишь такой концовкой!
Она давно не стоит ни гроша.
Чего же ты хлопочешь так, плутовка?
Чего ж ждёшь ещё, моя душа?

К ЛЮБВИ

Как тяжела твоя Эгида золотая!
Твой каждый день – по острию ножа.
Твой каждый миг – меж пропастью и раем.
Зачем такая ты всю жизнь нужна?

Ты – нищета с бессонными глазами,
Листы стихов и писем в никуда.
Ты – небеса, чей свет непостигаем.
Ты – крах надежд, ты – вера и звезда!

Ты – путь один, ты – вечное распутье.
Ты – поводырь, ты – путаник слепой.
С тобой не знаешь: что же завтра будет?
А без тебя я – лишь сорняк сухой.

Ты – смертный враг, ты – друг мой бесшабашный.
Когда один, с тобой – всегда вдвоём.
Ты – верный друг, когда вокруг всё страшно.
С тобой вдвоём над бездною поём.

** ** **

Ветер, дворник неразумный,
Пыль по улицам гоняет,
Первых листьев лепет шумный,
Жарко. Солнце. Полдень мая.

Сколько женщин в лёгких платьях!
Глубина небес сияет.
По реке гоняет катер.
Эха звон. Цветенье мая.

Солнце жадно лижет лужи,
Лица, руки, стёкла окон.
Даже тени стали уже...
Только ты не стань далёкой!

** ** **

Небо низкое - тёмным облаком,
Колыханье листвы на ветру.
Шум машин заметался по комнатам
И рванулся опять к окну.

Полдень с вечером схож. Дождь всё капает
Вяло, нехотя. Голубь скользит
В влажном воздухе. Свежесть запахов
Нос соседской дворняге знобит.

Лужи, брызги, И слез прозрачнее
Дождь на лицах, на листьях, домах.
Сколько дел ещё в жизни не начато!
Сколько счастья в любимых глазах!

Разноцветные пятна зонтиков.
Дождь в начале июня - к добру!
И с каким наслажденьем он вспомнится
Как-нибудь мне зимой поутру.

** ** **

Ночь. Лето. Душно. Тишина.
От лампы свет больнично-резкий.
Квадрат раскрытого окна,
Крыльцо под шиферным навесом.

Ночь. Лето. Душно. Мотылек.
О марлю, крылья рая, бьется
Ночной Икар мой; огонек
Стоваттный для него – что Солнце.

Зачем ему огонь и боль?
Что гонит в пламя эту кроху?
Из тени выпорхнула моль,
Ей, вроде, и в тени неплохо.

Ночь. В Час Судьбы и в Час Вершин
Из плена страхов и сомнений
Взмывает мотылек души...
Потом - лишь пепел на коленях.

Мой мотылек! Бесценный сердца трепет!
Мы долетели. Солнце - беспощадно.
И пусть простят нам наш наивный лепет
За горстку пепла из стихов нескладных.

** ** **

Август разменял свою декаду,
Покатилось лето к сентябрю.
Зной стоит какого и не надо.
И за пивом очереди крюк.

Пекло улиц в пузырях мазута,
Первых пожелтевших листьев сор.
На траве росы нет даже утром.
За плотиной – в два ручья Тобол.

На душе как никогда спокойно,
Хоть причины этому и нет.
Облаков серебряные кони
Скачут по ночам мечтам вослед.

С О Н Е Т

И стыдно, и страшно мне прожитой жизни,
И перед собою таиться смешно,
Ошибок не спишут петля или выстрел,
А жить, как и жил, тяжело и грешно.
Наивных надежд ускользящий призрак
Всё реже вплетается в явь или сон,
Благими порывами путь уже выстлан,
А может, давно был уже предрешен.
А может ошибками он и дороже
Всех в мире путей, где успехов дурман.
Пусть память безжалостно сердце тревожит,
Хоть боли утрат нет уж места для ран,
Спасибо ошибкам, где Промысел Божий,
За всё остальное отвечу я сам.

Снова осень в заброшенных наших края,
Листопад с журавлиным «курлы» вперемешку,
Бабье лето с дождями колдует в паях,
Сонм бесплотных надежд пробуждая, конечно.

Чьи-то жизни летят с журавлиным «курлы»,
Для любого – одна, без замены, возврата.
Остаются знакомые улиц углы
И часов мерный ход без дороги обратно.

Остаются все также, на тех же домах
Голоногих антенн почерневшие стаи,
Письма, вещи и фото – на прежних местах,
Твой подъезд, телефон – что с тобой, без тебя ли.

Письма, вещи и фото – совсем не твои:
Самых, самых родных до последнего вздоха,
Тех, кому откричали уже журавли,
Только память кричит так, что можно оглохнуть.

Все трудней одному – по дороге утрат.
И спасения нет у религий и магий.
Остаются потом только фото и взгляд
И стихов недописанных след на бумаге...

Снова осень летит с журавлиным «курлы»
Город мокнет в дождях уж которые сутки.
Лишь аллеяный сквозняк, дернув вдруг за полы,
Среди голых ветвей засвистит, как на дудке.

** ** **

Ну, потерпи! Не береги мне душу.
В висках звенит твой тихий шёпот: "Пить."
Я слишком часто путал "слышать" - "слушать"
И слишком часто не умел любить.

В ночной квартире редких капель с крыши
Звучит глухой и чёткий метроном.
Друг другу нас давно вручил Всевышний.
Но, Боже, как же трудно нам вдвоём!

Ещё трудней хоть день нам друг без друга.
И это правда, без кокетства фраз.
Пред Небом и людьми - моя супруга.
Люблю как в первый и в последний раз.

Со штор на стены, по кошачьи ловко,
Сползают тени проводить луну.
Ты снова спишь, прижав подушку локтем,
А я никак от счастья не усну.

Сквозь всю Россию шепот твой услышу,
Вернусь из чуткой тьмы с глотком воды.
И пусть часы считают капли с крыши:
И днём, и ночью у меня есть ты!

** ** **

Во сне я нёс тебя. А ты спала,
Доверчиво склонившись на плечо.
Вокруг смеялись, пели: праздник – бал
Сиял, шумел. А ты спала. Ещё

Оркестр гремел всюду. А ты спала
Спокойно, тихо, плечи мне обняв.
И музыка по комнатам плыла.
И сон мой был реальнее, чем явь.

Я нёс тебя, боясь вдруг разбудить,
А праздник оглушительно шумел...
Свой чудный сон я днём не мог забыть.
И среди спешки неотложных дел

Казалось мне: опять тебя несу,
А ты всё спишь, склонившись на плечо.
И слышу я твой сердца тихий стук,
И счастлив я как никогда ещё!..

** ** **

Вкус твоих слёз на моих губах.
Вздых – на губах. О, любимая, спи!
В сон твой прокрался нечаянный страх
И на губах моих стих.

Брови целую твои – о, не плач!
Влагу целую солёных ресниц:
Страхи ночные – лишь тень неудач,
Что около нас уже пронеслись.

Август уже гостит за окном,
Тихим стучит по балкону дождём.
Может Любовь – придуманный дом,
Но мы в нём давай поживём...

** ** **

Спи, о, Любимая! Ангел мой, спи!
В наших обманов чарующий час
Ночь, твои слёзы спрячу в стихи
От чёрных чужих, завистливых глаз.

Пальцы целую твои у лица –
Чудо чудес – не воскресни рассвет!,
В тёплых ладонях – король без венца! –
Царство моё – долгое ль, нет?

Спи, о, родная! Забудь свой страх.
Соль твоих слёз – на сердце моём.
...Господи! Если Ты есть в небесах,
Дай нам с ней путь вдвоём!

МОЛИТВА

Мой светлый ангел! Всю тебя целую:
От золотых волос и до ногтей,
Желанную, любимую такую,
Что, кажется, нельзя любить сильнее!

Прекраснее прекрасных сказок детства,
Ты с каждым днём дороже и родней.
Ты – жизнь моя, душа моя и сердце,
Свет глаз моих, звезда моих ночей!

Всю-всю целую трепетно и нежно.
Пусть каждый шаг твой Бог благословит!
Пусть счастье будет вечным как надежда
И пусть любовь всегда тебя хранит!

Прощальный венок

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЕНОК

Всем, кого любил и люблю

Скоро снова июнь с самой длинной ночью в году.
Будет память метаться беспомощно точно в бреду
Между словом СПАСТИ и словами НИКАК, ОПОЗДАЛ
С бесполезным ПРОСТИ и совсем бесполезным НЕ ЗНАЛ.
Будет память слепцом в обжигающем душу аду,
Натыкаясь на стены, искать понапрасну одну
Ту дорогу из НЫНЧЕ к пропавшим куда-то ВЧЕРА,
Где листвой прошлогодней в апреле шуршат вечера.
Где беспечно качалась луна на ночных облаках,
Танцплощадка над морем, весна в телефонных звонках.
Там, как прежде, сияя, луны проплывает овал
Из апреля в июнь. Только я... Только я опоздал.
Опоздал. Не успел. Не сумел возвратиться туда.
Горько царствуя, эхо твердит: «Никогда. Никогда».

1

Скоро снова июнь с самой длинной ночью в году.
К самым главным вопросам ответов никак не найду.
Из ВЧЕРА до СЕГОДНЯ с крутым виражом в НИКУДА
Молча толпы теснятся, не зная КОМУ и КОГДА.
День грядущий подарит недолгий последний рассвет
И отнимет закат, оборвав незаконченный вдох.
Очень трудно представить себе, что тебя уже нет,
И что Кто-то за нас нашей жизни подводит итог.
Ночь в июне — прекрасный предлог для безумной войны,
Тишины, с ощущением неискупимой вины.
И не скрыться уже, не уйти от нее никуда.
Догоняет повсюду былая большая беда.
И, глаза размыкая, потянет с собою ко дну.
Будет память метаться беспомощно точно в бреду.

2

Будет память метаться беспомощно точно в бреду
От Одессы до Пензы, листая года на ходу:
От гостиницы «Красной» туда, где тенгинский гусар,
Ус кусая, к дуэли своей танцевал... Легкий пар
От дыханья у гроба Сверчка чуть сверкает. Бредут
Кони к югу. Рогожа да гроб... Может верно: мы тут
Только гости? Но где же наш дом? И страдания – дар
Или бич за попытки Любить и Летать? Чей удар
Принимает от Смерти Душа? Чьим соседством жива,
Не желая терять ни даров, ни грехов? Синева
И небес, и морей так похожа на что-то уже
До озноба знакомое. Память... Кто Память раздал?
Не свою, а чужую? И сколько метаться Душе
Между словом СПАСТИ и словами НИКАК, ОПОЗДАЛ?

3

Между словом СПАСТИ и словами НИКАК, ОПОЗДАЛ
Есть какая-то Тайна, которую прежде я знал:
Чья-то кровь пролилась за спасение жизней других
И катилась слезой на щеках воспаленно-сухих.
Каждый час мой оплачен ценой невозвратных потерь.

8

Где листво́й прошлогодней в апреле шуршат вечера.
Где Любимые живы и можно, проснувшись, с утра
На трамвае с Привоза с огромным букетом мимоз
Долететь и с порога смеяться: «Смотри, что принес!..»
Наша Память, наверно, по-своему очень мудра.
Если путает Завтра с Сегодня и дальним ВЧЕРА,
Но не путает лица и запах любимых волос,
Дорожа до последнего всем, к чему с кожей прирос.
И гоняясь за Прошлым, и ждать, и искать миражи,
Палестин или рая, где каждый и счастлив, и жив,
Где судьба беспечальна и в сонме обычных тревог
Ночи дарят покой в дорогих больше жизни руках:
Я там жил, и листок той страны между писем засох,
Где беспечно качалась луна на ночных облаках.

9

Где беспечно качалась луна на ночных облаках,
Звезд гирлянды, вдали, с горизонтом сливаясь впотьмах,
Боевых кораблей черный контур пропал до утра.
Игры света и тьмы или стрелок секундных игра
Пробуждают желание жить или кончить с игрой,
Суть скрыва́я без умысла что-то упрятать, укрыть.
Обнаженная истина выглядит ложью порой,
Больше путая, чем помогая решенью «Как быть?»
Может зрение наше виной неуменью узреть
Где рождается Жизнь, а точней: где кончается Смерть?
Неуменье забыть возвратит вдруг без спроса к ВЧЕРА,
К гроздьям звезд над кроватью с погашенным с вечера бра,
Отраженьем бликуя, плеснётся на тихих волнах
Танцплощадка над морем, весна в телефонных звонках.

10

Танцплощадка над морем, весна в телефонных звонках.
Осень прошлая пряталась в парках в опавших листьях.
Молча стаи бездомных собак проносились во тьму
Как посланники Мрака со срочной депешей КОМУ.
Пели птицы и в Оперном пел лицедей-вертопрах
Над убитой любимой с картонным кинжалом в руках.

Ночь томилась, рождала во зло и на радость всему,
Все опять оживало в Сибири, в Поволжье, в Крыму.
Жизнь есть Смерть, Смерть есть Жизнь
без щадящих тебя средин.

В иероглифе «ДО» обязательность смысла «один».
В иероглифе «ДЗЮ» есть значенье стремления ввысь.
Уходя, может быть, мы увидим начало начал.
Ко ВЧЕРА, и СЕГОДНЯ, и ЗАВТРА лицом повернись:
Там, как прежде, сияя, луны проплывает овал.

11

Там, как прежде, сияя, луны проплывает овал
Неизменно, как тысячи лет над Землей проплывал.
Там все так же на клумбе под окнами ночь напролет
Кот, хитрюга приبلудный, охрипшим фальцетом орет.
Там разлуки всегда и всего лишь прелюдии встреч.
И у писем, звонков, телеграмм есть всегда адресат.
У глагола «уйти» не присутствует смысла «обречь».
И когда ты захочешь, то есть возвращенье назад.
Там так много тепла и любви, еще больше надежд,
Даже боль и тоска не бывают без белых одежд.
Так же новые танцы танцуют под старый фокстрот.
По субботам в театре «Щелкунчик» с аншлагом идет.
И все тех же людей провожает бессонный вокзал
Из апреля в июнь. Только я... Только я опоздал.

12

Из апреля в июнь. Только я... Только я опоздал.
Натыкаясь на берег, волна погибает у скал.
Говорят, что луна заставляет стремиться волну,
По песчинке громаду скалы увлекая ко дну.
Для Души – этот мир, для волны – океан слишком мал.
Где тот берег заветный, что каждый однажды искал?
Уходил, убежал, улетал и искал лишь одну.
Для него одного заповедную сказку-страну.
Находил, разбивался и снова по зову луны
Устремлялся к иному, гонимый судьбою волны.
Натыкаясь на Время, назад не откроешь дверей.
Из песчинок сложились и май, и июнь, и года.
От банальности истины только намного больней.
Опоздал. Не успел. Не сумел возвратиться туда.

13

Опоздал. Не успел. Не сумел возвратиться туда,
У страны адресов опустели мои города.
С каждым годом все чаще штрихует ее карандаш.
И все реже внезапных веселых визитов кураж.
Загораются звезды в бездонных пространствах своих.
Между ними и сердцем неясная странная связь.
Может Души действительно селятся где-то на них
И оттуда зовут, и призыв долетает до нас?
Может наши молитвы слышны в их безбрежных краях
И встречаются Души в иных заповедных полях?
Может рядом тот мир, как две капли похожий на наш?
Может нет ни Души, ни миров, есть лишь Память - мираж,
Что кружит и кружит над теплом родового гнезда?
Горько царствуя, эхо твердит: «Никогда. Никогда».

14

Горько царствуя, эхо твердит: «Никогда. Никогда».
От апрелей любви до июней утрат навсегда.
Я любил как любил. Даже кровью стихи написал
Как последнюю правду, которую знал и сказал.
Из бессонных ночей не сложились ни «нет», и ни «да»:
Будет Встреча в дали или эхо с неверным «...да. ...да.»?
Эту землю – Россию в разлуках во сне целовал,
Как последнюю правду, которую знал и сказал.
Мой мираж, моя Память – блиндаж мой, последний окоп!
Дорожу как святым каждым граммом заветных оков.
Эту Жизнь, эту Землю такую, какой она есть,
Неужели когда-нибудь вновь наяву обрету
Я, изгой бесприютный, должник многогрешный аз есмь?
Скоро снова июнь с самой длинной ночью в году.

15

Скоро снова июнь с самой длинной ночью в году.
Будет память метаться беспомощно, точно в бреду,
Между словом СПАСТИ и словами НИКАК, ОПОЗДАЛ
С бесполезным ПРОСТИ и совсем бесполезным НЕ ЗНАЛ
Будет память слепцом в обжигающем душу аду,
Натыкаясь на стены, искать понапрасну одну

Ту дорогу из НЫНЧЕ к пропавшим куда-то ВЧЕРА,
Где листвою прошлогодней в апреле шуршат вечера.
Где беспечно качалась луна на ночных облаках,
Танцплощадка над морем, весна в телефонных звонках.
Там, как прежде, сияя, луны проплывает овал
Из апреля в июнь. Только я... Только я опоздал.
Опоздал. Не успел. Не сумел возвратиться туда.
Горько царствуя, эхо твердит: «Никогда. Никогда».

СОДЕРЖАНИЕ

Россия! Родина!

Из бездны межвселенского пространства
Мы все задолго до рождения живём
Россия! Родина! Ведь мне ещё вчера
Россия! Родина! Полвека я Твой сын

Посвящения

Июнь. Начало лета
19 октября в городском саду
Есть меж кеосцев обычай
На смерть Поэта
В июньской тополиной тишине
Так захотелось вдруг увидеть

Гефсиманский сад

Мне снился Гефсиманский сад
Прости, Господь, за все мои грехи
Храни Тебя, Господь, Любовь моя
Постриг (диптих)
Молитва (из цикла «Октябрь»)

Души благословенные оковы

К судьбе
Всего и дел-то
Два сонета
Я Вам пишу
Я Вас любил всем сердцем
А Ты опять сегодня снилась мне
В той стороне Земли
Моя звезда, которой я не вижу
Вчерашний день! Сим-Сим
Вернись! Навстречу сердце выстелю
Если скажут: “Забыл”
За Тебя!
Из разговора в перерыве
Два дня без Вас
А там, где Ты
Я оглох от Твоих молчаний
Всё кончено. В окне сквозняк
Уже не хочется ни слов
Попытки строить на песке

Пасмурно. Хмуро. Октябрь.
Среди пожарищ
К Любви
Ветер, дворник неразумный
Небо низкое – тёмным облаком
Мотылёк
Август разменял свою декаду
Сонет (И стыдно, и страшно)
Снова осень в заброшенных наших краях
Ну, потерпи! Не бреди мне душу
Во сне я нёс Тебя
Вкус Твоих слёз на моих губах
Спи, о, Любимая
Молитва (Мой Светлый Ангел)

***Прощальный венок
(венки сонетов)***

А дальше – притча и рассказ.

ПРО ПИНГВИНА

Притча

Давно это было. Очень, очень давно, когда ещё все Птицы умели летать. Даже Пингвин.

На своих больших, сильных крыльях он легко уносился от земли навстречу упругим воздушным потокам и подолгу вольно и беспечно парил над привычной бескрайностью моря.

Пингвин очень гордился и самими крыльями, и их нарядно-строгим черно-белым опереньем: ведь больше ни у кого из Птиц не было таких!

Но как-то раз внезапный ураган настиг Пингвина далеко от берега. И те самые воздушные струи, на которые так привыкли опираться его крылья, теперь ломали их резкими порывами.

Ещё никогда родная Пингвину стихия не была так враждебно-безжалостна с ним: опрокидывая через голову, швыряя из стороны в сторону, она несла его куда-то, увлекая, казалось, на самое дно разверзшихся морских пучин...

Очнулся Пингвин на незнакомом каменистом берегу.

Было холодно и мела пороша. Тысячи тысяч Птиц, казавшихся Пингвину такими маленькими, ни на минуту не прекращали своих обычных птичьих дел: взлетали, ныряли в море, возвращались с добычей, кормили птенцов, чистили гнёзда и перья, и никто не обращал внимания на большую незнакомую Птицу, внезапно упавшую на их берег.

Кто знает, сколько времени залечивал раны Пингвин! Он бродил по чужому и неприятному берегу в поисках выброшенной волнами рыбы, а его большие, переломанные ураганом крылья волочились с боков по земле.

О, как хотелось Пингвину поскорее выздороветь! И скитаясь по берегу, и во сне, он мечтал о том счастливом часе, когда с прибрежной скалы в последний раз взглянет на этот чуждый ему берег, вдохнёт свежий, такой знакомый запах моря и в несколько мощных взмахов взмоет в бездонную синь!

И был день, когда Пингвин, сам, даже не понимая почему, уже не мог ждать больше ни часа, ни минуты: так нестерпимо ему захотелось взмыть в небо и, скользя на своих крыльях во встречных светлых струях воздуха, лететь и лететь, в ту даль, где над морем громоздились огромные скалы, для кого-то, может быть, неотличимые от здешних, но несказанно дорогие и родные для него.

Пингвин побежал, замахал крыльями в предвкушении знакомого ощущения лёгкости и послушности тела могучим взмахам...

Но он не взлетел, а лишь, неловко опрокинувшись, упал. Упал всем устремлённым вперёд туловищем и так и замер, ещё не веря самому себе.

Он столько раз и во снах своих, и наяву до реальности отчётливо чувствовал, как он взлетит, так ясно ощущал движение каждого перышка на взлёте, что неудача даже и присниться ему не могла.

По-прежнему не веря себе, Пингвин начал медленно, не поднимая головы, оглядываться по сторонам.

Нет. Это был не сон.

Вокруг стоял привычный оглушительный птичий гвалт, все занимались своими повседневными делами: добывали корм, мчались с ним назад к вечно голодным птенцам, и никому не было дела до Пингвина, который решил вдруг побежать.

Оправившись от потрясения, Пингвин начал думать: почему, почему он не смог взлететь? Ведь еще ни разу крылья не подводили его...

Ослепленный желанием возвращения, он ждал лишь день избавления от боли в изломанных крыльях, и только теперь, взглядевшись, понял, что сделали с ними ураган и время, пока долгие-долгие дни он волочил их за собой по каменистому побережью.

Если в верхней и средней частях крылья как-то срослись, и даже сохранили, пусть несколько нарушенным в местах бывших переломов, но в основном всё-таки пригодным для полёта самое главное - своё оперенье, то в нижней, вместо таких важных маховых перьев, темнела голая кожа, огрубевшая почти до твёрдости костей от постоянного разрушительного соприкосновения с прибрежной галькой и скальными обломками...

И снова много, очень, очень много дней прожил Пингвин на чужом и неприятном берегу, не разрешая одолеть себя страшным мыслям о невозможности возвращения в родные края.

Никто не знает, сколько раз он пытался взлететь. Но там, где Пингвин пробовал сделать это, со временем вместо россыпей острых камней появились почти совсем гладкие дорожки.

Лишь одного хотел он теперь – на нынешних, непоправимо покале-
ченных и почти непослушных крыльях взмыть в небо и лететь, лететь, ле-
теть и лететь, с каждым взмахом приближаясь к заветному сердцу берегу.
И такой день наступил.

Многие Птицы видели как Пингвин, разбежавшись, взмыл с самого
высокого уступа скалы.

Только конец этой истории все рассказывают по-разному.
Одни утверждают, что Пингвин улетел-таки в родные края.

Другие настаивают, что он сорвался со скалы и разбился о прибреж-
ные камни.

Третьи спорят и клянутся, что Пингвин вообще никуда не улетал и ни-
когда не разбивался, а так и жил вместе с ними.

Но ни те, ни другие, ни третьи не могут объяснить: куда девались
Пингины с большими, сильными крыльями? И о т к у д а , совсем на
другом конце земли, вдруг появились так хорошо знакомые всем малень-
кие пингины с коротенькими, толстенькими, покрытыми чёрным плотным
пухом, не то ластами, не то плавничками?..

И ещё. На том берегу, куда Пингвина забросил ураган, всем Птен-
цам, перед тем, как поднять их на крыло, родители рассказывают о Боль-
шой Птице, научившейся летать с переломанными крыльями. Они слыша-
ли о ней от своих бабушек и дедушек, а те – от своих...

А кто не верит, может сам подняться на скалу и увидеть оставлен-
ные крыльями Пингвина почти гладкие дорожки среди россыпей острых
камней.

Н. Покидышев

Опубликована в журнале «Сибирский край»

СКРИПКА ЧУКАЯ

Рассказ

Вечером, возвращаясь домой, на чьей-то лестничной площадке я услышал звуки скрипки.

Кто-то неровно и не очень уверенно водил смычком по струнам. И от этой неровности, неуверенности мелодия, сама по себе немного грустная, звучала по-особому искренне.

Она тревожила память, побуждая вспомнить что-то очень давнее и очень-очень знакомое.

И вспомнилось...

Тогда, в середине пятидесятых, подъезды нашего дома мыла старая, по представлениям пяти-шестилетних пацанов, женщина. Но звали ее все просто Люба.

Каждое утро она появлялась откуда-то в черной плюшевой жакетке или, по времени года, каком-нибудь платье – слишком заношенных и слишком свободных для вещей со своего плеча, в линялом платке, видавших виды резиновых ботах и с неизменным ведром на левой руке.

Ее высокая, худая, сутулая фигура с наклоненной головой узнавалась издали. С виновато-грустной улыбкой входила Люба в подъезд. Мягким мелодичным голосом ласково откликалась на приветствия жильцов.

Пока ей набирали воду в ведро, она стояла, прислонившись к косяку квартирной двери. Сама дверь почти не закрывалась: в трехкомнатной коммуналке жили четверо взрослых и девять детей, да еще шли гости к ним... Казалось, что в коридоре кто-то без конца гулко хлопал в ладоши.

Любу мы считали дурочкой, поэтому, проскакивая мимо, тайком от старших обязательно показывали ей язык, строили рожицы. А она со-

всем не сердилась. Если останавливались слишком близко, гладила наши затылки, приговаривая: «Ребеночек!»

Говорила не похоже на других, по-своему приглушая звонкое «ч», путая гласные, и получалось смешное «рабенашчак». И мы, конечно, смеялись, уверенные, что только дурочка может так запутаться в простом слове.

Потом Люба уходила мыть полы. Терла тряпкой доски с облупившейся краской, а сама, по-прежнему виновато улыбаясь, невнятно и тихо о чем-то разговаривала с собой.

Приходила она не одна. На улице, беспокойно и часто заглядывая в подъезд, топтался в ожидании жены Чукай. Ниже Любы на голову, с длинными обвислыми усами, в черном долгополом пальто с широкими, по тогдашней моде, плечами и таких же, как у Любы, резиновых старых ботах – он странным образом дополнял ее. Поврозь мы их и представить не могли.

Нередко Чукай приходил со скрипкой. Заглянув в подъезд и убедившись, что Люба никуда не делась, он прижимал скрипку к посеревавшему от долгой носки воротнику пальто, склонял голову к деке и начинал играть...

Люди входили в подъезд и выходили; кто-то шел дальше через двор. Рядом, за невысокой оградой детских яслей, воспитательница громко сзывала пищавших малышей. С улицы доносились автомобильные гудки. А Чукай играл...

Я не помню ни одной мелодии. Помню только, как нервно и неровно вдруг начинал плясать смычок, а резкие разорванные звуки, вырываясь из-под него, словно спешили разбежаться в стороны друг от друга. И внезапно прекратив игру, Чукай бросался к подъезду снова искать Любу.

Успокоенный и повеселевший, он выскакивал на улицу. Путаясь в полах пальто, с криком «Кыш-кыш-кыш!» бежал к нам, взмахивая длин-

ными рукавами, как крыльями, и делая вид, что хочет кого-то поймать. А мы со смехом разбежались врассыпную, хотя совсем и не боялись его.

Закончив с подъездами, Люба шла с Чукаем к рынку в «шестой» гастроном. Там она снова мыла полы. А после продавщицы наливали ей водку в небольшую стеклянную баночку из-под кильки-частика.

Люба неторопливо пила и так же неторопливо что-то рассказывала, глядя на склянку в руках. А очередь тоже неторопливо двигалась, и кто-то из невольных слушателей вздыхал, кто-то, крестясь, шептал: «Господи, упаси!», кто-то кончиком платка отирал глаза.

Часов в десять Люба и Чукай исчезали до завтрашнего утра.

Но иногда, в конце июня, Чукай пропадал из города, а Люба отправлялась искать его, Бог весть как находила, привозила назад и все начиналось по-прежнему.

Зимой пятьдесят девятого мы переехали на новую квартиру, и я забыл о двух «чудных стариках». Только через много лет, во время одного из приездов домой, когда в разговоре о соседях по старому дому всплыло имя Любы, мама сказала:

- А ты знаешь – она пропала. Поехала искать Чукаю и не нашла. Вернулась сама не своя. Зимой хандрела, а с весной уехала – и все.

- Что же он убегал от нее?

- Да не от нее. До войны они жили в Минске: интеллигентная семья, дети. А когда эвакуировались, при бомбежке поезда у них на глазах детей убило. Вот Чукай и убегал спасать их.

...Сколько разных скрипок слышал я! Но ни одна до сегодняшнего дня почему-то не напомнила мне скрипку Чукаю – скрипку Войны. И разве память в этом виновата?

А скрипка в подъезде все играла...

И мне показалось: стоит нажать звонок – дверь откроется, и я войду в свое послевоенное детство, где среди солнечного утра Люба по-

прежнему моет лестницу в нашем доме, а Чукай, прижав голову к неразлучной скрипке, так же неровно водит смычком.

Я подойду, и за того пятилетнего мальчишку, за себя сегодняшнего, забывшего двух безвестно пропавших «стариков», скажу: «Простите! Простите за все!»

И когда Чукай, прервав игру, бросится к открытой двери подъезда, я впервые вместе с ним – среди рева самолетных моторов, воя падающих бомб и их взрывов – услышу детский пронзительный крик:

– Ма!..

1987 г.

г. Курган

Н. Покидышев

Опубликован впервые в октябре 1988 г., потом – в альманахе «Тобол» в 1990 г.

ИЗ СБОРНИКА «С ТОБОЮ НАВСЕГДА»

Глава «РАНЕНАЯ ЮНОСТЬ»

ПОРА ПОСЛЕВОЕННАЯ

Пролог

А где-то ждали нас дороги,
Врывался свежестью сквозняк,
Плыл над землёю месяц строгий
И утомлённый спал барак.

Сирень всю благоухала,
Роняли звёзды небеса,
Рассветы вспыхивали ало,
Вскипала на траве роса.

Вставали павшие в атаки,
Ночной покой живых храня...
В послевоенном том бараке
Жизнь начиналась для меня.

С тех пор со мною неделимы
Барак послевоенных лет,

Россия – отчий край любимый
И детства алый тот рассвет.

1

Шестнадцать комнат с каждой стороны
Вдоль длинного сквозного коридора:
Построенный на третий год войны
Барак – мой первый в жизни дом, с которым

Я связан неразрывно, навсегда –
Не детством, а всей памятью своею.
Из всех разлук я прихожу сюда,
Где он стоял – и места нет роднее

На всей Земле среди прекрасных мест
С их дивными чужими чудесами.
Одно богатство я сочту за честь:
Родство с послевоенными годами.

2

Пора послевоенная – с бараками:
За счастье – комнатёнка для семьи,
Пусть стены в ней пока обиты дранкою,
А штукатурить их – жильцам самим.

В бараках магазины и столовая,
Роддом и школа – трудный скромный быт.
Для многих даже родина здесь новая:
В войну с заводом в тыл пришлось отбыть.

Что ни семья, то – фронтовик: кто – раненый,
Кто – инвалид; над койкой – снимки в ряд
Родных мужчин – с надеждой-ожиданием:
А, может, жив кто и придёт назад?..

Как ближе к лету – разговоры страшные:
«По всем приметам – быть войне опять!»
По праздникам – столы с закуской вскладчину
И с бражкой: гулять – так уж гулять!

В разгар весёлой пляски с хлестким хлопаньем
По голенищам да под свист лихой,
Вдруг женский крик: «Ой, где ты сгинул, сокол мой!..»

Плеснётся обжигающей тоской...

3

А отпуск – обязательно с поездками
К родным в свой отчий довоенный дом:
В «пятьсот веселых» – с битвой за билетами,
С вагонами, набитыми битком,

Насквозь в пыли от дыма паровозного,
Четыре дня пути в один конец,
С знакомствами – простыми и серьёзными:
«Где воевал?», « Где ранен был, боец?»

Рязанские, тамбовские и курские
– смешала вас военная метель! –
До боли в сердце – все родные, русские,
Уральские, сибирские теперь,

В другой земле схоронят ваши косточки,
Вдали от дорогих душе краёв.
Но до последних дней, последней ночечки,
Вы пронесёте к ним свою любовь...

4

Пора послевоенная – особая:
Хоть тень и след войны лежит на всём,
Под свист мальчишек птицы мира голуби
С утра взмывают в выси окаём.

Овчарки – на военной регистрации,
Госномер нужен на велосипед,
Но в клубе – вечера с оркестром, с танцами,
И модницы оделись в креп-жоржет.

В квартирах с теснотой коммунальную
Проходим поздним есть всегда ночлег,
Полным-полны столовые и чайные,
Но много инвалидов и калек.

Любой и день, и час – такие яркие,
И жизнь, как будто, началась с нуля:
С фундаментов домов, дорожек парковых,
Разбитых в выходной на пустырях.

Пора послевоенная – нелёгкая:
Куда ни глянь – на всем войны следы,
Как детство – недоступное, далёкое,
Мне с каждым годом все дороже ты!

** ** **

Дома в те годы строили войска.
Крушил лачуги лихо танк без башни.
Война для всех была еще близка,
Жила во всём в своем соседстве страшном.

Через поселок наш ходил стройбат:
От стройки – до ворот их Энской части,
А мы слетались стайкою галчат,
Со строем рядом шли, сияя счастьем.

Шли гордо дошколята-пацаны,
Рождённые в бараках, коммуналках,
Шли как на самый главный бой войны,
Прижав к плечам оструганные палки.

Под песню взвода, перестроив шаг,
И, не жалея стареньких сандалий,
Шли в бой, где ждал нас ненавистный враг
На той войне, которой мы не знали.

Но знали точно: чей отец убит,
Чей – инвалид и чей кричит ночами
Как будто в танке до сих пор горит,
Сбивая пламя голыми руками.

И жгла обида как своя вина:
Нам слишком поздно выпало родиться.
Но если вновь обрушится война,
То отомстим за всё проклятым фрицам!

ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ

1

Война – от этой темы не уйду.
Пока живу – болею ей и брежу.
И с памятью по Ладожскому льду

«Дорогой жизни» вспять бреду в надежде

Что где-то здесь я встречу вдруг отца
Такого непривычно молодого,
И в том бою с ним буду до конца,
И раны сам перебинтую снова,

В полуторке сам отвезу в санбат,
С ним поплыву по Ладоге туманной...
А может мимо пролетит снаряд?
Не будет ран, машины санитарной?..

Да, чудеса бывают на войне.
Куда там сказкам разным вместе взятым.
Ах, если б наяву, а не во сне,
Вернулись все, кто не пришёл обратно!..

2

...Год сорок первый. Ленинград.
Чуть стих налёт артиллерийский,
Как тут же с воздуха бомбят
По расписанию, садистски.

На краснозвёздный самолёт –
По восемь – с чёрными крестами.
За Мгу и Тихвин бой идёт.
На сотни вёрст – огонь и пламя.

Блокадное кольцо фронтов
Петлёю захлестнуло город.
Снаружи – полчища врагов,
Враг изнутри – смертельный голод.

В тот самый страшный первый год
Никто судьбы своей не зная,
Хотел увидеть, как придёт
Заветный День и наше знамя
Внесут в поверженный Берлин.
И будет солнечное утро.
И на обломках ИХ руин
Напишет кто-то краской крупно:

«За Ленинград!». И на стволах
У пушек, танков в схватке боя

Та надпись всех уже звала:
Звала к Победе за собою!

3

Вдруг память как взрывной волной,
Швырнет безжалостно и слепо
В окоп по-мартовски сырой,
На ту войну, где даже не был.

Родную землю рвет снаряд
И лес оглох от канонады.
А за спиною – Ленинград,
«Дорога жизни» и блокада.

Одна винтовка на бойца,
Патронов – семь, и две гранаты.
Но вновь встают на шквал свинца
Полуголодные ребята.

Встают почти что пацаны:
Ведь им ещё не всем по двадцать.
Нет у войны другой цены –
За жизнь лишь жизнь должна сражаться.

И ртом, распухшим от цинги,
Кричит полуохрипший ротный:
«Вперёд! За Родину, сынки!»
Встают – в огонь прицельно плотный.

...С осколком в голове, отца
Везла полуторка к санбату –
В крови, в бинтах на пол-лица,
Всё рвался он в бреду обратно.

С осколком дожил до седин,
А в День Победы молча плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Окоп по-мартовски сырой,
Прожектора кромсают небо,

Надсадно канонада бьёт.
К Победе путь ещё так долог.
...Мне жить спокойно не даёт
Застрявший в памяти осколок.

4

По рассказу моего попутчика в электро-
поезде «Каменск-Уральский – Курган»
(май 1986 г.) о боях под Ленинградом в
июле 1942 г.

«...С утра приказ был: наступать.
А пушки – с вечера в болоте.
Одним расчётам – не достать,
За помощью к кому? К пехоте.

Лицом к гнилой воде склоняясь,
Из топи тянем на сухое,
И под колёса, молча, в грязь
Сам лёг один, второй... Такое

Придумать даже – страшный грех:
Живые люди – вместо гати.
Я до сих пор их помню всех,
По смерть мне той высотки хватит...

И сходу: «По врагу – огонь!»,
Едва успели окопаться,
В ушах от взрыва жуткий звон –
И больше я не смог подняться.

Казалось, будто голова
Распалась сразу на две части,
И кровь лилась по рукавам,
Пока стянуть пытался каску...

Вот так закончил я войну:
Очнулся только в медсанбате.
Те пушки в каждом сне тяну...
Прости, сынок, вдруг сердце схватит» -

Тут мой попутчик замолчал,

Лишь дёрнул у рубахи ворот.
Вагон мотался, нас качал
На стрелках – мы въезжали в город.

И безымянный мой сосед
Ушёл с толпою пассажиров,
Пока готовил я ответ:
«Спасибо Вам, от всех, кто живы,

От всех, кого тогда спасли
В своём бою под Ленинградом»,
И имя не успел спросить,
Пока в купе сидели рядом.

...Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Я вижу свой окоп сырой,
Прожектора кромсают небо,

Подсумок, фляга на ремне,
Туман болот под Ленинградом...
Всю жизнь взрываются во мне
Не долетевшие снаряды...

ПРОЩАНИЕ С АТЛАНТИДОЙ

1

Прощай, Атлантида – держава незримого братства,
Держава великих дерзаний, великих страданий,
Погибшая разом – лишь пылью руины клубятся:
Внезапная гибель больней ожидания ранит.

Кому-то – плоха, а кому – не бывает роднее:
По крови, с рожденья – родная до боли, навечно!
Кому-то – как мать, а к кому-то – с изгойным гоненьем:
Крест – каждому свой, как повсюду, и спорить здесь не с чем.

С тобой мы росли и мужали, и мучились вместе,
Делили и войн, и утрат неизбывное горе,
Гордились тобою, слагали прекрасные песни.
Теперь тебя хает огульно наемный историк.

Теперь тебя нет, но всё та же земля под ногами,
И всё, что дала нам – забыть никогда невозможно:
Ведь Родина также священна, как Родины знамя,
Как имя её, откликаясь ознобом по коже...

Прощай, Атлантида – земля Исполинов-Атлантов!
Угар разрушения сгинет. И будут гордиться
Тобой, а не кучкой вчерашних безродных мутантов,
Отчизну продавших за горстку чужой чечевицы.

2

И можно, наверно, сегодня остаться счастливым,
Вести себя будто и впрямь ничего не случилось.
Ведь, вроде бы, всё – как и было: приливы – отливы
Ровняют равнины холмы и холмы на могилах,

Слои океанов кладя на слои Атлантиды,
Век бронзы меняя на бронзу Героев Эллады,
А бронзу Героев – под звонкие капли клипсидры –
На мелкие склоки и мелких укулов обиды.

Ведь всё – как и было. И всё – всё равно, всё едино:
Политика, водка рекой, нищета без просвета,
Работа за грошик, а после - постель с половиной,
И суетный день за закат уползёт незаметно...

И где те Атланты – Гиганты борения, духа?
Погибли с Отчизной Великой уже безвозвратно?
И кто его знает: что вслед за Державою рухнет,
А что возвратится нежданно с приливом обратно?..

3

Уходит эпоха. Эпоха любви-эйфории –
К страданью чужому, стигматам на раненом теле.
И люди по улицам бродят – как будто чужие.
Как будто бы люди – но кажется: будто бы – тени.

Как будто бы тени, забытые в спешке телами,
Сбежавшими рыскать – хватай, кто успеет – удачу.
Заплакать бы – Боже, помилуй! – моленья словами.
Но мы ведь хохочем! Поверьте: хохочем, не плачем.

...Вот, кажется – жить бы, брать в меру и в меру лукавить:
От Прошлого – только обломки в пыли придорожной.
И, вроде, спросить с нас за это никто и не вправе.
И так – день за днём, год за годом, наверное, можно.

Наверное, можно все вёсны забыть, всех Любимых,
Тех, чьи имена по душе как резцом – поимённо.
Ведь время сравнивает и наши холмы на могилах,
и всё довершат океаны водою солёной.

Не всё ли равно и не всё ли в итоге едино:
Моление, искание, грех, палачи и распятие,
Миг острого счастья, бессчётных несчастий години?
Ведь всё пронесётся, всё вытечет капля за каплей?

4

Но если равно, что мешает: луна? Время года?
Иль пух тополиный, осевший на волосы летом?
Блеск месяца ночью: весёлый и полуголодный?
Иль эхо чуть слышных к утру недопетых сонетов?

...Уходит эпоха. Эпоха Любви – эйфории.
И Море Чужое прихлынуло к Брегу Надежды.
И толпы нахлынули – тоже чужие, другие.
Но Солнце над морем и звёзды над морем – всё те же,

И капли дождя по стеклу поздним вечером – те же,
И осени желтые космы развеянных листьев,
И утренний иней – такой же пахучий и свежий,
И горечь всё та же у старых проверенных истин.

5

Прощай, Атлантида – Родная Страна с колыбели:
Кому-то – тюрьма, а кому – нет дорожке на свете!
Прости сыновей, что тебя уберечь не сумели:
Живые осколки, погибшей империи дети,

Герой или труженик, кто на тебя не в обиде,
И те, кому выпала доля стать лагерной пылью,
И все, кто любил тебя, кто до конца ненавидел,
И все, кто хотел, не хотел – мы с тобою простились.

Как *та Атлантида* от зла, принесённого людям,
Исчезла, но лучшее стало легендой бессмертной,
Ты в памяти нашей и наших потомков пребудешь,
И зёрна от плевел отделят они непременно.

Прощай, Атлантида! И пусть ты Историей стала,
И Прошное дважды не может нигде повториться,
Но Время Последнее Слово ещё не сказало,
И правнуки будут Отчизной своею гордиться!

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВРЕМЕНИ

1

Есть ли что на Земле иллюзорней, чем Времени сущность?
Даже утром туман над рекою легко осязаем.
Из дарованных нам в этой жизни её преимуществ
Может лучшим и будет о Времени наше незнание?

Разве выдержит разум рождение, взлёт, катастрофы
Всех минувших и в нынче из завтра спешащих историй,
Если даже один в сердце памятью выжженный профиль,
На дорогах земных ни на миг не даёт нам покоя?

Разве выдержит разум, осмыслив бесчисленность судеб
Всех, кто жил, всех, кто жив, всех, кто так и не смог народиться,
Песен-плачей к друг другу, убитых безмолвною грудью,
Но летящих над миром, над каждым, невидимой птицей?

Разве разум простит, если есть где-то шанс достоверный –
Не с сегодня – с начала начал был и есть с нами рядом,
Постижения Жизни воистину полною мерой,
Без оглядки на Смерть и на узость незнания взглядов?

Даже дебри теорий не в силах со Временем сладить,
Лишь фантасты о нём свои сказки-загадки пророчат,
Но уходят секунды шеренгами войск на параде,
В безупречности шага, храня беспощадную точность.

2

Даже если вернуться след в след по знакомой дороге
В дом, где детство когда-то твоё началось,
То окажешься лишь на обжитом другими пороге

Всем чужой, незнакомый, незванный - негаданный гость.

Даже если запеть к звуку звук ту заветную песню,
Что отец часто пел у кровати твоей перед сном,
Всё равно никогда не окажешься снова с ним вместе,
Лишь слова, перепутавшись, в горле собьются комком.

Даже если опять и опять повторять слово "Мама",
Не избавишь её от седин или горьких морщин,
Не вернешь никого, кто теперь за оградой с крестами,
От стыда за ошибки свои, каменея один.

Даже память подчас, став последнего скряги скупее,
Так упрячет частичку былого – с огнём не найти.
Может быть, мы становимся в чём-то с годами мудрее,
Но от этого лишь тяжелее утраты в пути.

Облака на закат уплывают и тают бесследно.
Ни тропинки назад – к самым близким тебе, дорогим.
Время пылью дорожной несётся, взвихряясь победно,
Унося наши жизни, обиды и беды как дым.

** ** **

Этот пух тополиный – повсюду,
Даже в комнате на полу;
Но пушистое белое чудо
Стало ваты комочком в углу.

Это ноги приводят сами
К дому старому: счастье, ау!
Не откликнулось. Видно, словами
Счастье в гости к себе не зовут.

Это память слепую птицей
Над родными местами кружит,
Ищет: где дорогие лица?
Как и сколько без них ещё жить?

Это ночь, перепутав звёзды,
Облаками укрыла их.
Только сердце, пусть даже поздно!,
Рвётся к звёздам на крыльях своих,

Обрывая все пути земные,
И тоскуя уже по земле,
Как тоскует душа по России
Каждый миг – наяву и во сне.

** ** *

Моим однокурсникам,
всем выпускникам УЭМИИТа*

Сбегу к себе – назад, в УЭМИИТ,
На первый курс, в зачётную неделю,
Где в коридорах тихий гул стоит
И три конспекта на полгруппы делят.

В громадных окнах стынут зимний день,
Замёрзший пруд**, рыбак и мост с трамваем,
А на галёрках – что кому не лень:
Кто – спит, кто – вяжет, книг не открывая.

По декабрю, без шапки, заскольжу
Накатанной тропинкой в общежитье
И задежурю там по этажу,
Его вчерашний постоянный житель.

Под вечер стихнет цокот каблучков.
На лестницах, не выучив ни строчки,
Целуются до первых петухов...
А ты со мной сбежать туда не хочешь?

*УЭМИИТ – Уральский электромеханический институт инженеров
железнодорожного транспорта, сейчас – Уральский государственный
университет путей сообщения (УрГУПС)

**Территория института с трёх сторон окружена городским прудом
г. Екатеринбурга

** ** *

Другу-однокурснику
Валерию Игонину

А если что случится – без меня
На «остров» наш по мостику над заводью

К закату пасмурного мартовского дня
Приди сказать: я кланяюсь им загодя.

Пройди тогда аллеей тополей –
По ней мы все ходили к институту:
Сплетения разросшихся корней
Давно с корнями сердца перепутал.

Приди и к общежитью номер три
С оглохшими от шума коридорами:
Из окон тех мне свет всю жизнь горит
На улице любой другого города.

Пройди по «Колмогорова» на ВИЗ*,
Запрыгни на трамвай до Уралмаша*.
С подножки ненароком оглянись:
Кто там тебе рукой вдогонку машет?

Не наша ль юность нас как прежде ждет
И также в возвращенье наше верит?
И сердце в тайной радости замрет:
А вдруг опять свои откроет двери?..

1987 г.

* - ВИЗ, Уралмаш – жилые микрорайоны г. Екатеринбурга примыкающие к ВИЗу (Верх-Исетскому металлургическому заводу) и Уралмашу (Уральскому машиностроительному заводу)

** ** **

Родному городу
Каменску-Уральскому посвящается

От вокзала, где такси толпятся,
Заспешит, включив шальную скорость,
По маршруту номер девятнадцать
Рейсовый автобус через город.

Вдоль проспекта – к остановке «Юность»:
Вдруг моя вернулась днем апрельским?
Память! Ты о прошлое споткнулась,
Обернулась – а встречаться не с кем...

Полетим от «Парковой» на «Космос».
Ветер в окна бьет тугим напором.
Вижу самый дорогой мне глобус
Под названьем «Мой любимый город».

Меж громадных скал – простор Исети.
За рекою – в новостройках – «Южный».
Город мой родной – один на свете,
И другой мне родины – не нужно.

Пусть живу с тобой в разлуках долгих –
Свидеться опять когда придется? –
Как приеду, перехватит горло:
Все родное – воздух, небо, солнце,

Даже дым из труб твоих заводов
С привкусом горячего металла...
В многих землях был за эти годы,
Ни одна родней тебя не стала.

Город мой! Ты со времен Петровых
Гордость наша – металлург и воин.
И во всех разлуках – в старых, в новых –
Ты, как сердце, каждый миг со мною!

К ДНЮ ВСТРЕЧИ ВЫПУСКНИКОВ ШКОЛЫ № 7 г. КАМЕНСКА-УРАЛЬСКОГО

По традиции День встречи –
первая суббота февраля

Мои друзья по школьной парте,
По отшумевшим сентяблям!
Как, по какой волшебной карте
К ним отыскать дорогу нам?

Вдруг кто-то вспомнит и подскажет,
Где ключ заветный к чудесам?
Тогда войдем и сядем также
За парты по своим местам.

Учитель снова будет кратко
О чем-то главном говорить,
Что пропустили мы когда-то,
Но очень нужно повторить!

И важно повторить сегодня,
И после тоже не забыть,
Успеть сказать, пока не поздно,
Два слова: «Помнить» и «Любить»...

Февраль порошею заносит
В даль отлетевшие года.
Но п о м н и т ь – никогда не поздно!
Л ю б и т ь – не поздно никогда!

ШКОЛЬНЫМ ДРУЗЬЯМ

Две дороги – вдоль, семь редких – поперёк
Меж заводом и горой бокситов:
Наш посёлок Чкалова – сердца уголок,
Встречам дорогим всегда открытый.

Там пойдёшь на север – «Красная звезда»,
А пойдёшь на юг – «Второй рабочий».
Посередине – школа, школьные года
И друзья, к которым тянет очень.

Вроде и живу от вас недалеко,
Разрываясь памятью на части.
Но, как говорят: «Кому сейчас легко?»
От того, наверно, очень счастлив,

Что лишь будет случай – я опять махну
В электричке, в наш любимый Каменск.
Кто-то хочет с неба для себя звезду,
Ну, а я хочу быть вместе с вами.

Всех опять обнять и за стол присесть,
Пить вино, желая вам лишь счастья!
Мое сердце там, где течет Исеть,
Где могу сказать: «Мой город, здравствуй!»

09.02.2008 г.